

Запутанная актриса

ад столом Глеба висели яркие плакаты с героями компьютерных игр. Среди них — скромный портрет из картонных букв. Плечи и руки — П. Голова — О. Ноги — Л. Сумочка — Я. С последней буквой он долго возился, не зная, куда прилепить. Превратить Я в сумочку показалось самым верным решением. В целом получилось — Поля. Для узнаваемости Глеб вклеил в серединку О прабабушкино лицо...

— Забавно, — прабабушка изогнула брови, когда впервые увидела свой портрет-аппликацию. — Вырезáть и клеить буквы научился. Теперь, Глебушка, дело за главным — освоить чтение.

— Я умею читать.

— Разве ж это умение? Запинаешься на каждом слове: пык-мык, пык-мык.

Глеб сложил руки на груди и глянул исподлобья. Он ждал от прабабушки восторженных слов: «Ах, какой молодец! Собрал не папу, не маму, не подружку Сонечку — меня, бабу Полю! Отменно! Великолепно!..» Дождался: получил «пык-мык».

5

— Умеешь настроение портить, — буркнул он обиженно.

— Не серчай, Глебушка. Добра тебе желаю. И благодарю.

— За что? — надув щёки, поинтересовался правнук.

— За честь висеть среди великих и ужасных. Внедрил меня в самую гущу монстров.

— Они не монстры, а зомби! — приснул Глеб.

«Внедрил в гущу...» — шутка ему понравилась. Обида растаяла.

* * *

У прабабушки была отдельная квартира. Но каждый день она приходила хозяйничать к Глебу. Его родители работали на фабрике, смены у них совпадали, и на работу они уходили вместе.

— Оставлять тебя одного, Глеб, опасно, — раз за разом повторяла мама. — Можешь одичать или с ума сойдёшь от своих игр.

— Вот именно, и я о том же, — привычно поддакивала прабабушка.

— Не зависай! — как заведённая предупреждала мама, прежде чем уйти на работу. — И следи за осанкой.

— Поздно хватилась: уже окривел, — озабоченно хмурилась прабабушка.

Они заседали на Глеба по очереди. Он не успевал и слова вставить.

Папа обычно не встречал, но однажды...

— Кха-кха, — покашливанием напомнил он о своём присутствии. — Милые дамы, есть предложение. Давайте вернёмся в пещерный век, — папа подмигнул Глебу. — Откажемся от компьютеров, стиральных машин, кухонных комбайнов и кофеварок.

7

Мама фыркнула. Прабабушка хмыкнула. Но обе промолчали.

«Последнее слово за папой, значит, мы победили!» — обрадовался Глеб.

— Играй, — наконец-то нехотя сдалась мама. — Только в меру. И во всём слушайся бабу Полю. Она за хозяйку.

И прабабушка хозяйничала. Без стеснения. От души. При уборке расставляла вещи так, как ей удобно. Когда готовила еду, больше следила за полезностью, чем за вкусом. Правда, пироги получались воздушными

и таяли во рту. Вкуснота! А руки прабабушки умели вязать сами по себе. Глаза не смотрели на спицы или крючок — они следили за Глебом. Вязала прабабушка всё подряд: коврики, домашние тапки, кукол, панно и всякую всячину, которую родители раздаривали друзьям и знакомым.

8 Кроме отдельной квартиры у прабабушки был собственный домик. Достался в наследство. Каждое лето она вывозила Глеба в уютную деревушку, окружённую лесом. Это был почти сказочный мирок: перед каждым домом — палисадник, во дворах — фруктовые сады. Коровки ухоженные, козочки весёлые, петушки голосистые, сами жители — радушные, с напевной речью.

*** * ***

В этом году они вернулись в город в середине июля по каким-то важным пра-

бабушкиным делам. У бабы Поли всегда находилась куча дел. И все важные. И много знакомых, которые уважительно называли её — Полина Петровна. Даже воспитатели говорили:

— Полина Петровна, вы — полный восторг!

Ещё бы не полный восторг: она связала для группы три коврика, двух кукол и панно «Берёзки». А если бы воспитатели узнали, что прабабушка была актрисой, открыли бы рты от удивления и ходили бы так целый день, а потом пристали бы с просьбой выступить на утреннике в роли Бабы Яги. Самим воспитателям надоело каждый Новый год бегать с метлой и пугать детишек. Этот секретный разговор Глеб и Сонечка подслушали случайно во время тихого часа, когда не могли уснуть и просто притворялись спящими.

Нет, воспитатели никогда не узнают, что Полина Петровна была настоящей

актрисой. И друзья не узнают. И Со-
нечка. Прабабушка попросила Глеба
молчать.

— Закрой роток на крепкий замок, —
сказала она, разгадав желание правнука
утащить новость в садик. — Не великое
достижение — по сцене в пышном пла-
тье расхаживать.

10

— Ты что?! Ты была королевой! — раз-
горячился Глеб. — Это же круто!

— И королевой, и принцессой, и зайчи-
ком, и жучком, и паучком, — со смехом пе-
речислила прабабушка. — И надо говорить
не «круто», а «знатно», — не обошлась без
наравоучения. — Было — прошло, быльём
поросло, — взмахнула рукой, словно
муху отогнала. — Кое-что другое, на-
стоящее, открыла для себя, — улыбно-
лась загадочно.

Глеб вздохнул. Тяжело приходилось
с бабой Полей. Она была запутанной, как
её вязальные нити, которые ему случа-
лось разъединять. Она не понимала, что

старался он ради неё. Мечтал «поднять престиж» (папины слова), чтобы друзья в садике не считали её странной бабулей, которая ни с того ни с сего начинала разговаривать как древняя старушка. Имелась у неё такая привычка.

Прабабушка на кухне гремела посудой.

— Сегодня точно вместо компота кисель? — в сто пятый раз поинтересовался Глеб, надеясь, что баба Поля передумала варить противный напиток.

— Кисель! Да ещё какой! — в сто пятый раз ответила прабабушка, не переставая греметь посудой. — Черничное варенье добавлю.

«От черники кисель не превратится в компот, — поморщился Глеб. — Как заставить бабу Полю говорить долго-долго, чтобы она про кисель забыла?..»

— А ты точно была актрисой?